

* * *

До часу рожденья тихи,
О славе мечтая едва ли,
В душе вызревают стихи –
Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
Что Господом Богом назначен.
И между лирических строк
Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
Как смотрит Творец на творенье:
«Откуда взялось ты на свет?» –
Не в силах унять изумленья.

* * *

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя невольно чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая выюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободы.
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озоровал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная недаром
Яик-реку строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

«Какое ж тут смирение?» – спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда нехстати...

* * *

«...Я простой советский парень,
Не был раньше в высшем свете...» –
Скромно отвечал Гагарин
Королеве на банкете.

«Ложки-вилки справа-слева...
Политесам не обучен...»
Улыбнулась королева:
«Да и я немногим лучше!

Что нам правила some time¹?
Чувствуйте себя, как дома.
И давайте поболтаем,
Словно мы сто лет знакомы...»

Эх, девчата! Без обиды –
Будь студенткой в скромном ситце,
Джиной будь Лолобриджидой –
Ты обречена влюбиться.

Будь ты королевой даже,
Позабудешь про приличья.
Станет протокол неважен
И дресс-коды безразличны.

Рядом с ним себя любя
Ощущает поневоле,
Долю бабью забывая,
Королевой и звездой!

Но ему опять неймётся...
Озаряя мир улыбкой,
Он взлетит навстречу солнцу
И – попробуй, удержи-ка!

* * *

Словоблудием, лестью, обманом
Безо всякого чувства вины
Рассовали страну по карманам...
Вот и нету великой страны!

Пошлый фарс претендует на драму:
Что ни мразь, что ни грязь – светлый князь.
И, похоже, что главенький самый
Со стыдом не знаком отродясь.

Закрома разменяв на карманы
И на центы – родные рубли,
Меж Зимбабве и Ганой-Гвианой
Суверенный покой обрели.

Аль не нравится вам, раздолбаи,
Инфернальное это кино?..
А страна-то, страна-то какая?
Украина, вестимо оно!

* * *

Никого-то я не порицаю.
Никого-то не хочу свергать,
Будь то депутаты, полицаи
Али олигархов сдобных рать.

Под портретом ветерана-деда
С десятиэтажной высоты
Я смотрю, как топчут Флаг Победы,
Разгоняя митинги, менты.

Не сдаётся мой народ отважный:
Этот гнев так долго зрел в душе!
Мат отборный десятиэтажный
Слышен на десятом этаже.

Для врагов он был недобрым знаком –
Русский мат, что древностью рождён...
С ним вставал в последнюю атаку
Дедовский десантный батальон!

Русским людям он от веку нужен –
Русский мат, поскольку без проблем
Он, за неимением оружия,
Заменяет даже АКМ!

ИСТИНА ШУКШИНА

Мы все – немного чудики.
А ты у нас – один!
Нам истину на блюдечке,
Преподнеси, Шукшин!

Она, по-русски ёмкая,
Необходима нам.
И с голубой каёмкою,
Конечно, по краям.

Её ты в муках выстрадал,
Когда ночей не спал.

¹ sometime – иногда (англ.)

Но неподкупной истины
Язвительен оскал.

В порыве откровения
Ты нам её изрек
В угрюмом окаймлении
Сибирских вольных рек.

Пока молчим растерянно,
Над ней глумится враг...
Подарена... Потеряна!..
А без неё – никак!

* * *

В изысканном корейском ресторане
На закуску закажу себе селёдки...
О родине, потерянной в изгнание,
Мы говорим за стопкой русской водки.

Забуть про неприкаянность надеюсь,
Мы вопреки политкорректной скуке
Тоскуем о прабабушке Корею,
Которая сама с собой в разлуке.

Всё это сколь почётно, столь печально.
Чем дальше, тем страшней,
как в старой сказке –
Держать удар меж русской наковальной
И молотом надменным самурайским.

Как вольный ветер, по миру скитаться,
Но всё ж заветы прадедов лелеять.
В горниле роковых репатриаций
Надеяться, любить, бороться, верить...

Ты, мой народ, цены себе не знаешь!..
Упрятанный в напевы Арирана,
Великодушьем русским укрощаешь
Змеиный холодок меча-катана.

Хотя и нет тебя исповедальной,
Но разгадать тебя поди-попробуй –
Сроднившийся с российской наковальной
Народ корейской –
самой прочной! – пробы.

* * *

На распахнутом настезь просторе
Город мой, белокаменный князь,

Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам – повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
«Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..»

Но и он себе ведаёт цену:
Хоть не будет трезвонить о ней.
Горделивый, строптивый, степенный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

* * *

Любить сентябрь – опасное искусство –
Взасос, взаклёб, наотмашь и навзрыд.
Ведь в том, что осень –
очень-очень грустно,
Меня и Пушкин не разубедит.

Казалось бы – по золоту ступаем,
Ещё навзрыд не плачут небеса.
Но журавли уже собрались в стаю,
Мол, и синиц вам хватит за глаза.

Казалось бы, у яблоч летний привкус,
И у небес лазурный окоём.
Но расставанья безутешный искус
Явил себя насмешливо во всём.

Через окно, распахнутое в небо,
Нездешней безутешностью сквозит.
Разлюбишь элегическую небыль,
Будь даже ты лирический пиит!

Ах, Пушкин, Пушкин! Это ж сколько надо
Душе поэта света и тепла,
Чтоб эту беспросветную награду
Воспеть строкой, сгорающей дотла?

Ах, осень-осень!.. Грустен очень-очень
Степных небес венчальный окоём.
Горит судьбы лирический подстрочник
Неугасимым пушкинским огнём.

* * *

Россия окаянная,
Себе же на беду –
У рьяного Ульянова
Идёшь на поводу.

Лентяя он не празднует –
Нежданный этот гость.
Наивная напраслина –
Помилует, авось!

Тебе он пустит кровушку,
Он жалости неймёт.
Последнюю коровушку
С подворья прочь сведёт.

Но не отринешь совести,
Хоть рублена с плеча.
Братоубийства болести
Молитвою леча.

Дороженьку унылую
Протопчешь на погост.
Зато увидишь, милая,
Как внук взлетит до звёзд.

* * *

Неугомонная семейка
На волжских продувных ветрах –
Обшаровка, Барыш, Налейка
Продулись нынче в пух и прах.

Они кого обшарить – знали,
Наклад перевода в барыш.
Чужого-лишнего не брали,
А что положено – шалишь!

По Волге правила дорогу,
Песнь завода в глухой тоске.

Пошаливали понемногу
По вольной матушке-реке.

И, обходя в дороге мели –
Взметали парус в небосвод.
Княжну персидскую жалели,
Что скинул Стенька в бездну вод.

Но стоило мне согласиться –
Такой-разэтакий Степан,
Как начинали вдруг коситься:
«Цыц, женщина Диана Кан!»

Плесни и мне, Налейка, что ли,
Винца, аль я здесь не своя?!..
Я с теми пью, кто выбрал волю
На перекрёстках бытия.

Кто Волгу-матушку прославил,
Как гулеван-казак Степан,
Кто дважды с братьянами грабил
Один и тот же караван.

Я пью за тех, чьё слово метко,
За тех, кто встречу идти посмел,
Кто правил по народным меркам
Родимый волжский беспредел.

А на вопрос: «Где клад заветный,
Что в Жигулях сховал Степан?..»
Считал единственным ответом
Кровавый месяц-ятаган.

* * *

Презрев баллады, саги, оды
И обездоленную Русь,
Штудирую гражданский кодекс
Не абы как, а – наизусть!

Сутяжники и кверулянты
Его толкуют вкривь и вкось –
Все те, кто обделён талантом
И на талант лелеют злость.

Живи на свете, как угодно.
Будь вдохновен и знаменит.
Но помни – их гражданский кодекс
Тебе презренья не простит.

Изображая неподкупность,
Разводят толки за спиной —
Толкут гнилую воду в ступе
За наименьшем ключевой.

Судилища да пересуды
Среди излюбленных утех.
Христами мнят себя Иуды,
Шалавы порицают грех.

Здесь я прошла злословья школу
Вживую — вовсе не из книг...
«Подонки!» — крикну для прикола.
Все обернутся в тот же миг!

* * *

Дурак дурака видит издалека.
Вор видит вора, поэт прозревает поэта.
Бездарь на бездаря не поглядит свысока...
Видим друг друга
по непостижимым приметам.

Воры при деле и бездари все при чинах.
Мерзость, в причины которой
не стану вдаваться.

Ну, а собратья-поэты витают
в заоблачных снах,
Чуждые скрипу нотаций и звону оваций.

Светский приём
или великосветский сходняк —
Не изменить место встречи поэтов в России.
Вновь мы встречаемся
не абы с кем абы как —
А потому что сюда нас с тобой пригласили.

Богopodobие — самый священный закон
В мире, где люди, любя, убивают друг друга.
Льют покаянные слёзы у кровоточащих икон,
Не покидая при этом порочного
страшного круга.

Вечной поэзии вещей горячечный бред
Нам повествует об этом всё тише и горше...
Из целой толпы чужих я узнаю тебя, поэт,
И ты улыбнёшься ответно мне,
как заговорщик.

* * *

Под грохот тотальной разрухи,
Под визг подзаборных сюит
Хип-хоп одинокой старухи
Особо пикантно звучит.

Под вопли хмельных президентов,
Ведущих страну на убой,
Без слёз и пустых сантиментов
Давай обойдёмся, друг мой!

Обходимся ж мы без свободы,
Без Родины и без любви,
Всё это тупые уроды
Отжать у нас с маху смогли!

Ведь слушали ж мы благосклонно
(За что нам прощения нет!)
Их вау-черизационный
Похмельно неистовый бред!

Ужель добродетельный пафос —
Единственная из отрад,
Пока они водят нас за нос
Три десятилетия подряд?

Старуха с тоской переходит
С сюиты на смачный хип-хоп...
В подземном пустом переходе
Нечасто народ подаёт...

* * *

Слова-пьянчужки вдоль речушки Пьяны
В Агрызе огрызаются порой...
А в Бондюге словечки-бандюганы
Не дружат с забубённой головой.

Измордовавшись меж мордвой и чудью,
Они смешат Казань и Шумерлю...
Вдыхаю волжский ветер полной грудью,
Взахлёб рифмую и захлёб люблю.

Обвенчанная с ветрами победы,
Овеянная песнями весны,
Я в этот мир пришла вести беседы
О сказках древнерусской старины.

Меня врачует заповедной речью
Застенчивая Заповедь-река.

И дивным сном напомнит мне о вечном
Сноведь-река, начав издалека.

А мимо покаянно-окаянно,
Как опосля креплёного винца,
В кустах петляет пьяной бабой Пьяна,
И в простоте не вымолвит словца...

Пускай порой куда похлеще мата
Названия, что помнят старину,
Для слов, что от рождения крылаты,
Степной простор наотмашь распахну.

Неси, братейко, перелётный ветер,
Стихи, что родились не налегке,
Вертявкой Пьяне и лесной Сноведи,
И затаённой Заповедь-реке.

* * *

Нине Анатольевне Жирковой

Когда бы про столицность ни спросили,
Я вспоминаю вовсе не Москву!
Столицей вдохновения России
Я пушкинское Болдино зову.

В каком бы веке, возрасте и чине
Сюда я ни приехала опять,
Я босиком по рощице Лучинник
Люблю, подобно Пушкину, гулять.

В той роще, как поэт непредсказуем,
К моим устам таинственно приник,
Меня сжигая страстным поцелуем,
Кипящий, как Кастальский ключ, родник.

Нет-нет, не надо пафоса о вечном!
О вечном, право, лучше помолчать...
Но здесь я в каждом

встречном-поперечном

Всегда готова Пушкина узнать.

Ведь разве равнодушным мог остаться
К девушкам здешним, коих краше нет,
Дававший фору записным красавцам
Любвеобильный солнечный поэт?

Здесь, в Болдино, такие царь-девицы
На улицах встречаются порой,

Что разом забываешь про столицы,
И все столицы кажутся – дырой!

* * *

Смотрит с портрета Владимир Ильич,
Смотрит с иконы Владимир Креститель,
Как на столе воцарился кулич,
И превратилась хрущёвка в обитель.

Не вспоминая про свой партбилет,
Видя, как крашенки-яйца лелеют,
Смотрит, лукаво нахмурившись, дед,
Но возражать почему-то не смеет.

Кисти в гуашь окуная с утра
И живописцем себя ощущая,
Словно окрестная вся детвора,
Крашенки в писанки я превращаю.

Родина бодро идёт в коммунизм,
Словно в красивую добрую сказку.
Как живописен мой соцреализм
Майской порой на советскую пасху!

Бабушка средь суеты загрустит:
В храм бы, да вот искушает нечистый.
Дедушка в храм ей идти не велит.
Помни, твердит, ты жена коммуниста!

На кумачовых яичках зарю
Я вдохновенной гуашью рисую.
Женечке Чикильдину подарю
И троекратно его расцелую.

Не позабудут веки уста
Вкус целомудренных тех поцелуев...
Празднуем мы Воскресенье Христа,
Не поминая Всевышнего всуе.

* * *

*Светлой памяти поэта-фронтовика
Ильи Семёновича Павлова*

Не дезертиров, не вредителей –
В России судят победителей.
В патриотическом поту
Анафематствуем: «Ату!»

Ату их, бравших Будапешт,
Тупое скопище невежд.

Без них мы б пиво пить могли —
Баварское, не Жигули!

Он Зальцбург брал, он брал Берлин!
Не фронтовик, а сукин сын.
О внуках разве думал он,
Подняв в атаку батальон?

Он, бравший Секеш-вехер-вар,
Всех нас подставил под удар.
С тех пор ни внук его, ни сын
Не знают вкус венгерских вин.

Но не моги шепнуть «ату»
Тому, кто брал Алма-ату.
И кто на штык освоить мог
Заветный тыловой паёк.

Прощать уродов не впервой.
Прости меня, мой дед-герой.
Цивилизованно живём.
Баварское в России пьём.

Но что-то, братцы, без обид —
С баварского меня мутит.
И как то тянется рука
К холодной трезвости курка.